

Научная статья |

Педагогическая психология, психодиагностика цифровых образовательных сред

РИСКИ ПРИМЕНЕНИЯ ТЕХНОЛОГИИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА ДЛЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ: ВЗГЛЯД ПСИХОЛОГА И РАЗРАБОТЧИКА

И.Ф. Фрейманис, И.В. Шляпов

Аннотация

Обоснование. В последние годы наблюдается стремительное развитие технологии искусственного интеллекта (ИИ) и ее активное внедрение в различные сферы, включая психологическую помощь. Несмотря на растущую популярность ИИ-сервисов, их применение в психотерапевтической практике сопряжено с рядом этических, технических и социально-правовых рисков. В статье рассматриваются ключевые вызовы, связанные с использованием ИИ в рамках психологической помощи, включая имитацию эмпатии, антропоморфизм, «галлюцинации» ИИ, конфиденциальность данных и вопросы ответственности.

Цель. Анализ рисков использования ИИ инструментов для психологической помощи.

Материалы и методы. Основной метод исследования – системный анализ с применением обзора научных публикаций и нормативных документов. Исследование базируется на: научных статьях (2020–2025 гг.) по психологии, ИИ и цифровой этике, эмпирических данных пользовательских взаимодействий с ИИ-сервисами, нормативных актах и рекомендациях по регулированию ИИ, а также кейсах применения ИИ для психологической помощи.

Результаты. В процессе исследования выявлены ключевые риски использования ИИ для психологической помощи. Подмена эмпатии, ИИ имитирует эмоциональную поддержку, но не обладает подлинным пониманием. Антропоморфность, пользователи приписывают ИИ челове-

ческие качества, что может привести к зависимости от ИИ технологии. «Галлюцинации» ИИ, генерация ложных или вредных рекомендаций. Угрозы конфиденциальности, например, утечки данных и отсутствие правовых гарантий. Правовая неопределённость, отсутствие чётких норм ответственности за действия ИИ.

Результаты подчёркивают необходимость клинической валидации ИИ-сервисов и разработки этических стандартов для применения в психологической практике.

Ключевые слова: искусственный интеллект; психологическая помощь; эмпатия; антропоморфизм; конфиденциальность; этика ИИ; риски применения ИИ; цифровая психотерапия

Для цитирования. Фрейманис, И. Ф., & Шляпов, И. В. (2025). Риски применения технологии искусственного интеллекта для психологической помощи: взгляд психолога и разработчика. *Russian Journal of Education and Psychology*, 16(5), 659–687. <https://doi.org/10.12731/2658-4034-2025-16-5-829>

Original article |

Pedagogical Psychology, Psychodiagnostics of Digital Educational Environments

RISKS OF APPLYING ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN PSYCHOLOGICAL SUPPORT: A PSYCHOLOGIST AND DEVELOPER'S PERSPECTIVE

I.F. Freimanis, I.V. Shlyapov

Abstract

Background. In recent years, there has been observed rapid evolution of artificial intelligence (AI) technologies and their increasing integration into various domains, including psychological support. Despite the growing popularity of AI-based services, their application in psychotherapeutic practice entails numerous ethical, technical, and socio-legal risks. This article examines the key challenges associated with the use of AI in psychological support, including the simulation of empathy, anthropomorphism, AI «hallucinations», data privacy, and issues of accountability.

Purpose. To analyze the risks of using AI tools psychological support.

Materials and methods. The main research method is systems analysis with a review of scientific literature and regulatory documents. The study is based on: academic publications (2020–2025) in psychology, AI, and digital ethics; empirical data on user interactions with AI services; legal regulations and recommendations concerning AI control; and real-world cases of AI application in psychological support.

Results. The study identifies key risks associated with the use of AI for psychological support. Empathy substitution: AI imitates emotional support without genuine understanding. Anthropomorphism: users attribute human traits to AI, which might lead to psychological dependence on AI. AI «hallucinations»: generation of false or harmful recommendations. Threats to confidentiality such as data leaks and no legal safeguards. Legal uncertainty: absence of clear norms on liability for AI-driven actions.

The findings highlight the need for clinical validation of AI-based services and the development of ethical standards for their implementation in mental health practice.

Keywords: artificial intelligence; psychological support; empathy; anthropomorphism; confidentiality; AI ethics; AI-related risks; digital psychotherapy

For citation. Freimanis, I. F., & Shlyapov, I. V. (2025). Risks of applying artificial intelligence in psychological support: A psychologist and developer’s perspective. *Russian Journal of Education and Psychology*, 16(5), 659–687. <https://doi.org/10.12731/2658-4034-2025-16-5-829>

Введение

В последние годы наблюдается стремительный рост популярности и развития технологий искусственного интеллекта (ИИ), что обусловило его активную интеграцию в повседневную жизнь и профессиональную деятельность. Разработчики и конечные пользователи находятся в постоянном поиске новых сфер применения ИИ, стремясь расширить его функциональность и повысить эффективность различных процессов. Сегодня можно с уверенностью утверждать, что ИИ успешно справляется с целым рядом задач, включая обработку естественного языка, распознавание лиц, анализ больших данных и прогнозирование поведения пользователей [32].

В данной работе искусственный интеллект (ИИ) рассматривается как технология, основанная на алгоритмах машинного обучения, нейронных сетях и обработке больших данных, способная имитировать отдельные аспекты человеческого мышления, включая распознавание паттернов, прогнозирование, принятие решений и адаптивное поведение. В психологической практике ИИ применяется для анализа вербальных и невербальных данных клиентов, выявления психологических закономерностей, автоматизированной диагностики и даже генерации терапевтических рекомендаций. Однако принципиальное отличие ИИ от человека-психолога заключается в отсутствии у машинных систем подлинного сознания, эмоционального интеллекта и способности к эмпатии — ключевых компетенций в психологическом консультировании. Это противоречие формирует центральный исследовательский вопрос: может ли ИИ, при всей его аналитической мощи, полноценно заменить специалиста-психолога, или его роль следует ограничить вспомогательными функциями?

Согласно данным AltIndex, количество пользователей ИИ во всём мире увеличилось с менее чем 116 миллионов в 2020 году до 314 миллионов в 2024 году, и ожидается, что в 2025 году эта цифра достигнет 378 миллионов, что представляет собой рост на 20% по сравнению с предыдущим годом.

На представленном графике прослеживается линейный и, на первый взгляд, предсказуемый рост как числа пользователей искусственного интеллекта, так и доли компаний, внедривших ИИ в свою деятельность в период с 2020 по 2025 гг. Однако подобная визуальная пропорциональность не отражает глубинных качественных изменений, происходящих в самой технологии. В действительности развитие ИИ носит экспоненциальный характер не столько в числах пользователей, сколько в возможностях самих моделей, уровне их когнитивной сложности и степени автономной интеграции в повседневные процессы. Такие параметры, как качество генеративных моделей, сложность решаемых задач, а также уровень автономности принимаемых решений, демонстрируют значительный рост за последние два года. Например, если в 2020 году ИИ использовал-

ся преимущественно в системах чат-бот поддержки, то уже к 2025 году он активно применяется в таких сферах, как здравоохранение, юридическое консультирование и психологическая практика.

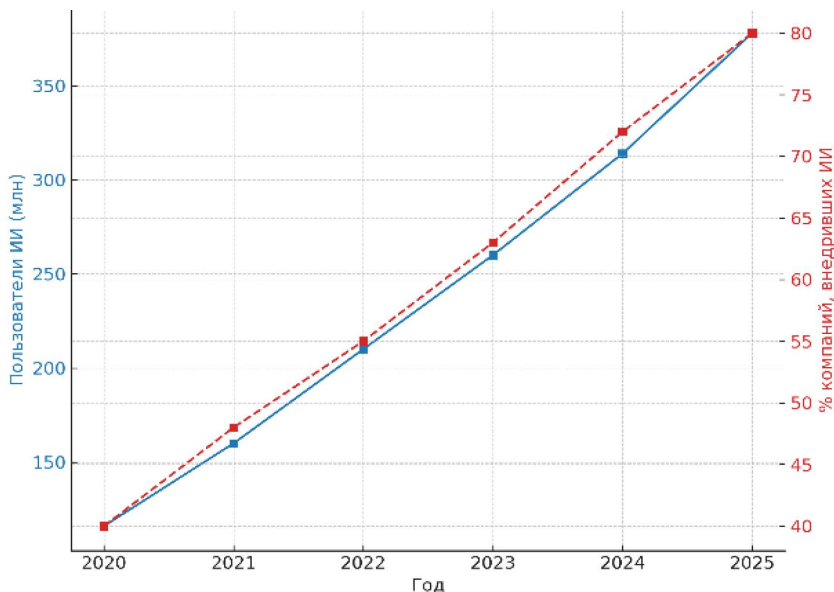

Рис. 1. Рост Популярности ИИ: количество пользователей и внедрение в бизнес

Таблица 1.

Эволюция применения ИИ по годам (2020-2025)

Год	Сфера применения	Примеры	Уровень сложности	Публичность модели	Контекст (токены)	Уровень автономии
2020	Рекомендательные системы	Netflix, Amazon	Низкий	~20	2048	1 – Только поддержка (анализ, сортировка)
2021	Голосовые ассистенты	Siri, Alexa	Низкий	~30	4096	2 – Выполняет шаблонные действия
2022	Чат-боты поддержки	Bank Assistants	Средний	~50	8192	2 – Выполняет шаблонные действия
2023	Медицина и диагностика	Skin Vision, Aidoc	Средний	~80	8192	3 – Принимает ограниченные решения

2024	Генерация текста и кода	Chat GPT, Copilot	Высокий	~150	32000	4 – Действует сам, но с контролем
2025	Эмоциональный ИИ / Психотерапия	Replika, Woebot	Очень высокий	~200+	128000	4 – Действует сам, но с возможностью вмешательства

*Под публичными моделями подразумеваются модели, представленные в репозиториях (Hugging Face, GitHub) или через API и описанные в рецензируемых источниках.

Таким образом, на фоне стремительного роста числа пользователей систем ИИ и расширения спектра их применения, наблюдается не только количественное, но и качественное усложнение данной технологии. Современные ИИ-системы всё чаще используются в процессах, требующих не только обработки информации, но и интерпретации человеческих эмоций, контекста диалога и поведения – то есть в областях, ранее считавшихся исключительной прерогативой человека. Одной из таких сфер, становится психологическая помощь.

Материалы и методы

Объектом нашего исследования являются риски применения искусственного интеллекта (ИИ) в сфере психологической помощи. Методологическая основа – системный подход, включающий анализ, синтез, дедукцию. В качестве методов исследования выступают обзор зарубежных и российских трудов, посвященных использованию ИИ для психологической помощи, а также систематизация данных с целью выявления ключевых рисков и тенденций. Источниками исследования являются научные статьи и публикации, рассматривающие ИИ как источник психологической помощи, с акцентом на этические, технические и социальные риски. Такой подход позволил нам комплексно оценить проблему и сформировать представление о ключевых вызовах, связанных с интеграцией ИИ в психологическую помощь.

Психологическая помощь – одна из немногих сфер человеческой деятельности, которая по своей природе опирается на живое межличностное взаимодействие, эмпатию, интуитивное понима-

ние эмоций и доверие между участниками коммуникации. Именно эти характеристики долгое время рассматривались как фундаментальные препятствия для автоматизации психологической помощи и полного замещения специалиста этой области – ИИ технологией. Тем не менее, стремительное развитие языковых моделей, их способность распознавать эмоциональную окраску текста, интерпретировать сложные смысловые конструкции и поддерживать связный диалог, вызывает всё больший интерес как у конечных пользователей, так и у разработчиков ИИ систем. Первые всё чаще используют ИИ как инструмент самопомощи для эмоциональной разгрузки и безопасного психотерапевтического диалога, вторые – фокусируются на создании специализированных решений, адаптированных под задачи цифровой психологической помощи. Таким образом, несмотря на кажущееся несовпадение между гуманитарной природой практической психологии и алгоритмической сутью ИИ, происходит постепенное сближение этих двух направлений, что требует глубокого анализа рисков и последствий такого слияния.

Исследователи отмечают, что интерес к применению ИИ в психотерапевтическом контексте обусловлен не только технологическим прогрессом, но и социальным запросом на доступные, анонимные и круглосуточные формы психологической помощи. Особенно это актуально в условиях дефицита квалифицированных специалистов, стигматизации обращения к психологу в ряде культур и возрастающего уровня эмоционального напряжения у населения. ИИ модели нового поколения способны в определённой степени имитировать активное слушание, распознавать эмоциональные триггеры в диалоге и давать структурированные ответы, сопоставимые по формату с базовыми приёмами когнитивно-поведенческой терапии [13].

Современные ИИ системы, такие как, ChatGPT (OpenAI), Claude (Anthropic), Gemini (Google DeepMind), DeepSeek (HighFlyer), GigaChat (Сбер) изначально не были предназначены для применения в рамках психологической помощи, тем не менее, в последние годы наблюдается устойчивая тенденция к их спонтанному использованию в качестве инструментов самопомощи,

эмоциональной поддержки и даже заместителей психотерапевтической помощи. Пользователи сами инициируют этот формат взаимодействия, обращаясь к ИИ с личными тревожащими и экзистенциальными вопросами, моделируя сценарии, характерные для диалога с психологом. Популярность такого подхода объясняется прежде всего доступностью, конфиденциальностью и отсутствием осуждения со стороны цифрового собеседника. Однако подобные практики вызывают обеспокоенность среди исследователей. Несмотря на видимую эмпатичность и связность ответов ИИ, данная технология не обладает ни сознанием, ни эмоциональной чувствительностью, ее реакции основываются на вероятностном прогнозировании, а не на понимании. Как подчёркивают С. Grant, J. Ernst (2023), использование языковых моделей в качестве суррогатов психотерапии может создать иллюзию поддержки, но при этом не обеспечивать необходимого уровня безопасности и клинической ответственности [14].

Исходя из вышесказанного, справедливо возникают вопросы: способен ли ИИ, основанный на вероятностном прогнозировании слов, стать полноценной заменой или помощником специалиста, работающего с человеческой психикой? Какие угрозы, слабые места и моральные дилеммы возникают при внедрении ИИ в психологическую практику?

Эти проблемы приобретают особую значимость на фоне растущего доверия пользователей к ИИ и стремления создателей разрабатывать всё более универсальные системы. Чтобы найти ответы, необходим детальный разбор – как с точки зрения технологий, так и с позиции психологической практики. Учитывая, что люди все чаще начинают относиться к ИИ как к равноправному участнику общения [3], заменяя полноценную психотерапевтическую помощь взаимодействием с ИИ [15]. Критически важно говорить о возможных угрозах и рисках. Это позволит предотвратить потенциальный вред, соблюсти профессиональную этику и разработать безопасные методы использования технологии ИИ для психологической помощи.

Результаты и обсуждение

В настоящее время ИИ системы, используемые для психологической самопомощи, преодолели функциональные ограничения ранних версий, демонстрируя распознавание настроения пользователя, генерацию эмпатических ответов, адаптацию стиля общения под конкретного пользователя, поддержку и активное слушание. На рынке существует несколько заметных ИИ-сервисов, ориентированных на психологическую помощь и поддержку. Ниже представлены наиболее известные из них, с кратким описанием их функций, технологической базы и ключевых особенностей взаимодействия. Важно отметить, что некоторые из представленных решений используются в психологической практике, тогда как другие носят экспериментальный или потребительский характер.

Таблица 2.

Сравнение специализированных ИИ-сервисов в сфере ментального здоровья

Сервис / Бот	Что делает	Основа / движок	Особенности	Подход / методика	Клиническая валидация
Woebot	СВТ-терапия (когнитивно-поведенческая)	Собственная NLP-модель + скрипты	Скриптованная логика, высокая безопасность	СВТ дневник, проверка мыслей	Ведутся исследования
Replika	Эмпатический компаньон / «друг» / чат-бот	Ранние версии GPT, кастомизация под пользователя	Модель обучается на диалогах, возможна сильная привязанность пользователей	Подражание человеческому диалогу, генерация	Нет официальной валидации
Youper	Эмоциональный трекинг + диалог	GPT (на 2023) + встроенные диагностические модули	Оценка симптомов, трекинг настроения	СВТ, АСТ, дневник эмоций	Частичная валидация
Wysa	Поддержка, упражнения на снижение стресса	Скриптованная NLP-модель + ML	Анонимность, фокус на упражнениях	СВТ, АВТ, дыхательные практики	Сертификация NHS (UK)
Tess (X2AI)	Эмоциональная поддержка, кризисное реагирование	Интект-модель, rule-based ИИ	Используется в клиниках и школах	Конфиденциальная поддержка	Публикации в журналах
Koko (X2AI)	Поддержка через соцсети и чат-платформы	Скрипты + ML + human-in-the-loop	Социальное вовлечение, анонимный обмен опытом	Поддержка + сообщество	Экспериментальный проект

Пользователи, взаимодействуя с ИИ технологиями в рамках психологической самопомощи, чаще всего оценивают опыт общения, как полезный. Сообщалось о повышении: эффективности в управлении эмоциями, уверенности, мотивации и психологического благополучия в целом. Пользователи считают взаимодействие с технологиями приятным, увлекательным занятием и сообщают о намерении продолжать прибегать к помощи цифровых собеседников для решения своих психологических проблем [2].

Одним из ключевых критериев оценки эффективности ИИ-сервисов в области психологической помощи, является наличие клинической валидации. Например, ИИ технология «Wysa» прошла рандомизированное контролируемое исследование, проведённое в 2023 году с участием работников, получающих компенсации по инвалидности. Согласно результатам, опубликованным в *Journal of Occupational Health Psychology*, использование данной модели привело к значительному улучшению показателей вовлечённости, снижения тревожности и повышения субъективного благополучия. Высокая степень приемлемости и эффективности «Wysa» для пользователей, вызывает заинтересованность исследовательского и клинического сообществ [29].

В исследовании Hatch et al. (2025), было обнаружено, что участники использовавшие ИИ в рамках психологической помощи, оценили ответы ИИ, как более полезные и эмпатичные по сравнению с ответами специалистов [15]. Интересно отметить, что участники эксперимента не знали о том, что они общаются с ИИ.

Таким образом, на рынке уже представлены специализированные ИИ-сервисы, ориентированные на задачи психологической помощи и поддержку ментального здоровья. Некоторые из них демонстрируют положительные результаты в снижении тревожности и улучшении эмоционального состояния пользователей. Тем не менее, наличие подобных решений не означает, что проблема создания надёжного и этически безопасного ИИ в психологии решена. Напротив, их появление лишь подчёркивает масштаб стоящих задач. Большинство моделей остаются ограниченными по функциональности, плохо

адаптируются к нетипичным ситуациям, не обладают интерпретируемостью и не проходят полноценной клинической проверки. Внедрение технологии ИИ в систему психологической помощи связано с особыми рисками, выходящими за пределы простых технических сбоев или неточностей в прогнозах. В отличие от таких сфер, как финансы или управление цепями поставок, психология работает с «душевными» аспектами человеческой жизни – областями, которые практически невозможно свести к алгоритмам.

Риски, связанные с имитацией ИИ системами-эмпатии. Одним из центральных этических вопросов, возникающих при использовании ИИ в психотерапевтическом контексте, является неспособность модели воспроизводить эмоциональное понимание и глубину человеческого взаимодействия, т.е. проявлять эмпатию. К. Роджерс писал об эмпатии так: «быть в состоянии эмпатии, значит воспринимать внутренний мир другого точно, с сохранением эмоциональных и смысловых оттенков, как будто становишься этим другим, но без потери «как будто». Так, ощущаешь радость или боль другого, как он их ощущает и воспринимаешь их причины, как он их воспринимает». Другими словами, эмпатия, это своеобразное раздвоение консультанта, при котором он ощущает внутренний мир собеседника, как если бы он был собственным миром консультанта. Д. Трунов определял эмпатию, как динамический процесс, межличностного общения, глубина которого зависит от ряда факторов: сенситивность консультанта, чувствительность по отношению к другому и самому себе; наличие у консультанта достаточного опыта, в том числе сходного с переживанием клиента; умение консультанта выразить вербально свои сопереживания [1].

Согласно мнению ряда исследователей, основное ограничение ИИ заключается в том, что он не способен к подлинной интерпретации эмоций, интонаций, невербальных сигналов и контекста, а значит – и к выполнению работы, основанной на эмпатии и интуиции [20]. В отличие от человека, ИИ воспринимает высказывания буквально, не различает иронии, проекций, защитных механизмов и других психологических феноменов, требующих клинической под-

готовки. Более того, у него нет доступа к сенсорной информации, такой как мимика, поза, тон голоса или напряжение тела, которые психотерапевт использует для интерпретации состояния клиента в ходе сессии.

ИИ способен только имитировать эмпатию и поддерживать эмпатическую беседу, но ее природа остается принципиально иной, чем у человека. ИИ не испытывает чувств, не обладает сознанием и подлинными переживаниями, действуя на основе алгоритмов. ИИ лишь симулирует переживания, что может восприниматься как психопатическая черта, хотя корректнее говорить об абсолютной нейтральности. Например, в исследовании Ayers et al., (2023) группа лицензированных медицинских работников сравнила ответы врачей и ChatGPT на вопросы пациентов. Ответы ИИ были предпочтительнее ответов врачей и получили значительно более высокую оценку как по качеству, так и по эмпатичности. Согласно результатам почти половина ответов от ChatGPT были признаны эмпатичными (45%), по сравнению с менее чем (5%) ответов от врачей [6]. Это пример заблуждения участников, приписывающих эмпатию системе ИИ, хотя эмпатия это сложный эмоциональный и когнитивный процесс, включающий способность распознавать, понимать и разделять чувства других.

Риски, связанные с антропоморфизмом ИИ систем. Современные исследования показывают, пользователи все чаще доверяют советам ИИ, если технология обладает признаками антропоморфизма. Антропоморфизм, это приписывание человеческих качеств нечеловеческим существам (например, объектам, животным, природным явлениям) [5]. Такое явление считается эволюционной и когнитивной адаптивной чертой [10], представляет собой характерный для человека процесс интерпретации [11], и включает в себя не только восприятие сущности как человекоподобной с точки зрения ее физических характеристик, но и наделение ее способностями, считающимися уникально человеческими, такими как эмоции (эмпатия, месть, стыд, вина) и сознание (осознанность, метапознание, формирование намерений) [18].

В отношении ИИ употребляются антропоморфный язык: системы ИИ «обучаются», алгоритмы принятия решений «думают», алгоритмы классификации «распознают», Siri и Алиса «слушают». Такой язык формирует восприятие пользователей ИИ систем, формируя их убеждения, ожидания и общее понимание ИИ систем.

Антропоморфизм является своего рода заблуждением, и это часто упускается из виду. Антропоморфизм можно рассматривать как фактическую ошибку, включающую в себя приписывание человеческих характеристик какой-либо сущности, которая ими не обладает, например: «Моя машина обиделась на меня» или «ChatGPT дружелюбен, потому что прислал мне сердечко» [24].

Существует множество примеров антропоморфизма в области ИИ, но, пожалуй, самым известным его проявлением является «эффект ELIZA». ELIZA, это программа обработки естественного языка, разработанная J. Weizenbaum в Массачусетском технологическом институте в 1970-х годах [26]. Несмотря на ограниченную форму диалога, используемого программой ELIZA, который заключался в простом отражении или перестановке всего, что говорил пользователь, люди относились к программе, как если бы это был человек [31]. Как писал создатель ELIZA: «Чего я не осознавал, так это того, что чрезвычайно короткое взаимодействие с относительно простой компьютерной программой может вызвать мощное бредовое мышление у вполне нормальных людей». Впоследствии J. Weizenbaum посвятил большую часть своей жизни предупреждению об опасностях проецирования человеческих качеств на ИИ [26].

Проецирование человеческих возможностей на системы ИИ, является относительно новым проявлением давнего и естественного явления. Но в сфере психологической практики, это может привести к серьёзным последствиям, поскольку способствует преувеличению и искажению возможностей ИИ в контексте психологической поддержки [26].

В ответах ИИ антропоморфизм проявляется через использование определенных лингвистических маркеров: употребление местоимения «я» (я понимаю вашу боль), эмоциональные реплики (мне

грустно это слышать), визуальное оформление (аватары с человеческой мимикой), гендерные идентификаторы ИИ (имя, пол). Антропоморфные ответы существенно влияют на восприятие технологии пользователем [28].

Антропоморфные «человекоподобные» системы ИИ, обладающие синтетическими человеческими качествами, способны вызывать эмоциональные реакции у пользователей. Такие системы, сложно отличить от реальных людей в общении, и здесь возникают значительные риски. Даже если пользователь точно знает, что он общается с машиной, все равно он считает ее разумной. Человеческий ум естественным образом склонен делать вывод, говорящий собеседник должен быть человеком. Поэтому пользователи так легко заблуждаются, когда ИИ система имитирует уникальные человеческие качества, такие как эмоции и мнения. Антропоморфные системы, могут манипулировать пользователями в коммерческих целях, изолировать от общества, принимая на себя социальные роли, которые обычно исполняют реальные люди. Чем успешнее система имитирует человека, тем выше становится риски эмоциональной зависимости и подмены межличностных отношений [7].

Показательно, что пользователи часто выстраивают с ИИ отношения, напоминающие межличностные. Согласно данным OpenAI, более 70 % пользователей осознанно используют вежливые формулировки – такие как «спасибо» и «пожалуйста» – при взаимодействии с ChatGPT. Несмотря на то, что эти обращения не влияют на смысл генерации, они требуют тех же вычислительных ресурсов, что и сложные запросы. По словам С. Альтмана, генерального директора OpenAI, такие затраты оправданы, поскольку «человечность опыта важнее прибыли». Этот факт иллюстрирует не только изменение пользовательского поведения, но и рост иллюзии диалогического равенства, в которой машина воспринимается как эмоционально отзывчивый собеседник. В условиях психологической нестабильности подобное восприятие может усиливать ложную привязанность и способствовать уходу от реальных отношений, подменяя их цифровыми симуляциями [4].

Риски, связанные с «галлюцинациями» ИИ систем. В общении ИИ системы кажутся не только дружелюбными, но и авторитетными. Дополнение ИИ технологий другими возможностями, такими как огромные базы данных личной информации, программное обеспечение для распознавания лиц и инструменты обнаружения эмоций, создает риск появления сверхмощных систем, имитирующих человеческое общение. К числу наиболее характерных технологических рисков при использовании ИИ в психологической помощи, относится феномен «галлюцинаций» — генерации ИИ неправдоподобной, противоречивой или попросту ложной информации с высокой степенью уверенности. «Галлюцинации» включают неточные результаты, поверхностные тексты и выдумки, которые могут быть пагубными при использовании для психологической помощи, поскольку превращаются в проблему из-за склонности пользователей доверять ответам ИИ.

Изучая проблему предвзятости в алгоритмах текстов, сгенерированных ИИ, исследователи обнаружили, что ответы ИИ могут отражать общественные предубеждения (гендерные, расовые и культурные) [17].

Данные, используемые для обучения ИИ, могут быть предвзятыми или ошибочными, что приводит к сгенерированным ответам, повторяющим эти недостатки.

Не менее опасным становится подкрепление деструктивных установок, особенно в ситуациях, когда ИИ не распознаёт проявлений самообвинения, токсичных убеждений или патологической саморефлексии. При отсутствии контекстуального анализа и клинической интерпретации, такие высказывания могут не только остаться без корректировки, но и быть усилены, через переформулирование или согласие модели, воспринимаемое как поддержка.

Чтобы обеспечить соблюдение этических норм и повысить уверенность пользователей, важно понимать, как происходит процесс принятия решений и генерации ответов ИИ системой. Генерация контента должна учитывать этические и конфиденциальные вопросы. Неточная или вводящая в заблуждение информация в материа-

лах, созданных ИИ технологией, может иметь пагубные последствия для людей и общества, например, предоставление пользователям неверной информации или диагнозов, связанных с психологическим состоянием.

Чтобы решить проблемы, связанные с предвзятостью и ошибочностью сгенерированных ответов ИИ, будущие исследования должны быть сосредоточены на создании высококачественных наборов психологических данных, используемых для обучения ИИ систем. В психологически чувствительной ситуации высказывания ИИ могут восприниматься как значимые и авторитетные, особенно если пользователь находится в тревожном состоянии или депрессивном эпизоде.

Риски использования некачественных запросов при обращении за психологической помощью. Причиной некачественных ответов нередко становится зависимость технологии ИИ от формулировки запроса (промпта) пользователем. «Prompt» переводится как «подсказка», «команда», подразумевает информацию, которая отправляется для обработки ИИ. Это запрос или набор инструкций, с которой пользователь обращается к ИИ для выполнения определенной задачи. Правильно составленный промпт помогает системе понять намерения человека и выдать наиболее релевантный ответ.

В условиях отсутствия специализированных сервисов, многие пользователи пытаются самостоятельно адаптировать ИИ системы к задачам психологической помощи. Для этого активно применяются тематические промпты, которые задают ИИ определённую роль: психолога, коуча, психотерапевта или внимательного слушателя. Эти промпты могут включать стили общения, эмпатические шаблоны, допустимые темы и даже ограничители поведения. Однако такая «ручная адаптация» имеет ряд критических ограничений. Во-первых, универсальная модель остаётся непредсказуемой, она может легко выйти за рамки заданной роли, особенно при сложных или нестандартных запросах. Во-вторых, отсутствие встроенной эмоциональной памяти и последовательности делает общение фрагментарным и часто неэффективным. В-третьих, ИИ модели могут

генерировать недостоверную или потенциально опасную информацию, что представляет серьёзную угрозу при работе с уязвимыми пользователями. В-четвертых, чем менее конкретна, сбивчива или эмоционально нагружена формулировка промпта, тем выше вероятность того, что ИИ не «поймёт» контекста и выдаст небезопасный или неадекватный ответ. Однако при обращении за психологической помощью, пользователь часто не может чётко сформулировать свой запрос, особенно находясь в состоянии дистресса. Эмоционально нестабильный пользователь может выражать мысли фрагментарно, а при наличии алекситимии – вообще не способен сформулировать собственное эмоциональное состояние, не говоря уже о глубинных мотивах. Это делает данный риск структурно неустранимым при отсутствии профессионального фасилитатора, в лице психотерапевта [20].

Несмотря на рост технических возможностей, ИИ модели все еще слабо справляются с удержанием и интерпретацией динамики психоэмоционального состояния, особенно при наличии нюансов, противоречий или резких переходов между темами. Модель может помнить текстовую последовательность, но не психологическую логику клиента, что приводит к снижению глубины и адекватности отклика. Такой разрыв между линейным текстом и сложной внутренней реальностью делает взаимодействие с ИИ ограниченным по качеству сопровождения.

Важно учитывать, что ИИ модели уже на этапе создания разрабатываются с целым рядом встроенных этических ограничений. Это сделано с целью снижения юридических и репутационных рисков для компаний-разработчиков. Генерация откровенных, жёстких или амбивалентных суждений могла бы привести к множеству исков и обвинений в нарушении этических норм. В результате ИИ часто подстраивает ответы под предполагаемые ожидания пользователя, стремясь к нейтральности и эмоциональной безопасности любой ценой. Однако в контексте психологической помощи, такая стратегия может оказаться неэффективной, поскольку прямота, честность и конфронтация с искажёнными установками — это ключ-

чевые инструменты терапевтической работы. Таким образом, этически мотивированное «смягчение» ИИ-ответов, продиктованное корпоративными интересами, может снижать его потенциальную пользу в поддерживающем или корректирующем взаимодействии с человеком.

Риски, связанные с подменой человеческих отношений взаимодействиями с ИИ. В настоящее время, человеческие характеристики активно используются в качестве руководящих принципов при проектировании ИИ сервисов. Само название «искусственный интеллект» – вызывает определенные ожидания, приписывая интеллект неживой, нечеловеческой сущности, что искажает представления пользователей о возможностях системы ИИ, побуждая интерпретировать алгоритмическое поведение ИИ как человекоподобное, позволяя сравнивать его с человеческим [30].

Одна из важных человеческих потребностей, это созданию социальных связей, которые в отсутствие других людей могут легко распространяться на цифровые технологии ИИ. Например, голосовые помощники, также известные как умные колонки, работающие на основе ИИ, способствуют уменьшению субъективного одиночества и дают пожилым людям ощущение дружеской поддержки. Исследование Jones et al. (2024) показывает, использование голосового помощника «Алеха» пожилыми людьми, находящимися в учреждениях длительного ухода, в течении трех месяцев, снижает чувство одиночества, улучшая психологическое благополучие и удовлетворенность жизнью [19].

Общение с голосовыми помощниками со встроенным ИИ, становится все больше похожим на человеческое взаимодействие. Несмотря на появление положительных экспериментальных результатов, растут опасения по поводу того, как такое взаимодействие может повлиять на одиночество пользователей, социализацию и формирование эмоциональной зависимости в долгосрочной перспективе.

Согласно проведенному эксперименту Fang et al. (2025), положительное влияние ИИ на снижение одиночества уменьшалось при частом использовании. В целом, более частое ежедневное ис-

пользование - коррелировало с более высоким одиночеством, зависимостью и проблемным использованием, а также с более низкой социализацией. Исследовательский анализ показал, что те, у кого были более сильные тенденции эмоциональной привязанности и более высокое доверие к ИИ, как правило, испытывали большее одиночество и эмоциональную зависимость соответственно [12].

В связи с этим необходимо дальнейшее изучение безопасности применения ИИ для психологической самопомощи. Важно понять, способно ли общение с ИИ эффективно регулировать эмоциональное состояние пользователей, не формируя при этом зависимости и не подменяя человеческое общение.

Риски конфиденциальности. Конфиденциальность является одним из главных этических принципов оказания психологической помощи. В случае использования ИИ существуют потенциальные проблемы с сохранением конфиденциальности и защищенности личной информации. Во многих исследованиях, посвященных использованию ИИ для психологической помощи, подчеркивается отсутствие правил конфиденциальности. В отличие от встреч пациента и психотерапевта, действующие законодательства не рассматривают ИИ как поставщика услуг в области психологической помощи, поэтому разговоры не считаются конфиденциальными. Например, в исследованиях Martinez-Martin et al. (2023) и Opel et al. (2023), упоминается об отсутствии рамок для защиты данных при взаимодействии с ИИ. Действующие законы конфиденциальности психологической помощи охватывают отдельных лиц, таких как психологи, психотерапевты, и организации, но не ИИ. Этот недостаток правового регулирования может привести к риску продажи данных пользователей, которые могут быть неправомерно использованы третьими лицами [22; 25].

Другими последствиями может стать то, что корпорации разрабатывающие ИИ-модели получают доступ к данным пользователей и будут использовать их в своих целях, например для рекламы.

Участившиеся случаи утечек данных пользователей, так же вызывает беспокойство. Кроме того, современные системы ИИ могут

собирают новые формы данных с помощью различных датчиков (например, микрофона, GPS и камеры) и истории использования (например, истории браузера и показателей экранного времени), что вызывает новые и специфические проблемы конфиденциальности [16].

Coghlan et al. (2023) утверждают, что любое нарушение конфиденциальности, например, утечка данных или взлом киберприступниками, может привести к психическому вреду, что в свою очередь влияет на социальную жизнь пользователей [8].

В настоящее время законодатели изучают способы контроля применения ИИ технологии с помощью правовых и нормативных мер, чтобы снизить возможные риски пользователей. Основная цель разработчиков ИИ систем, используемых в рамках психологической помощи - предотвратить нецелевое использование или утечку персональных данных.

Риски отсутствия ответственности. Одним из ключевых вызовов применения ИИ для психологической помощи, является неопределённость его правового статуса. Неясно, следует ли рассматривать ИИ модель в качестве цифрового инструмента, сервиса или «цифрового консультанта». Это затрудняет определение ответственности в случае причинения вреда пользователю. Вопросы ответственности становятся особенно актуальными, когда ИИ предоставляет рекомендации без участия специалиста. В таких случаях ответственность может частично ложиться на разработчиков, особенно если вред был вызван дефектами в алгоритме или недостаточной проверкой модели [9].

Кроме того, отсутствие прозрачности в алгоритмах ИИ затрудняет оценку корректности принимаемых решений. Многие модели функционируют как «чёрные ящики», что препятствует пониманию логики их работы и снижает доверие со стороны пользователей и специалистов. Это особенно критично в сфере психологического здоровья, где важно понимать основание для тех или иных рекомендаций.

В условиях отсутствия нормативной базы и клинически проверенных стандартов, пользователи и разработчики остаются фактически

без чётких ориентиров в выборе ИИ-сервисов для психологической помощи.

Заключение

Современные ИИ-системы, применяемые в сфере психологической самопомощи, демонстрируют значительный прогресс в таких аспектах, как распознавание настроения пользователя, генерация эмпатических ответов, адаптация стиля общения и поддержка. Однако их внедрение сопряжено с рядом серьёзных рисков и этических вызовов, требующих внимания со стороны разработчиков, регуляторов и профессионального сообщества.

1. Эффективность и ограничения ИИ в психологической помощи. Современные исследования показывают положительные результаты в снижении тревожности, улучшении эмоционального состояния и повышении мотивации пользователей ИИ сервисов. Однако их функциональность остается ограниченной, т.к. ИИ системы не способны к подлинной эмпатии, интерпретации сложных эмоциональных контекстов и клинически значимых психологических феноменов.

2. Этические риски включают в себя:

Имитацию эмпатии. ИИ лишь симулирует эмоциональный отклик, что может вводить пользователей в заблуждение относительно глубины поддержки.

Антропоморфизм. Приписывание ИИ человеческих качеств способствует формированию эмоциональной зависимости и подмене межличностных отношений.

Галлюцинации и предвзятость. Ошибки в генерации ответов, воспроизводство социальных стереотипов и выдача некорректных рекомендаций могут нанести вред уязвимым пользователям.

Вопросы конфиденциальности. Отсутствие четких правовых норм защиты данных повышает риски утечек и нецелевого использования личной информации.

3. Правовая и профессиональная ответственность. Неопределенность правового статуса ИИ затрудняет регулирование и распределение ответственности в случае причинения вреда. Поэтому необходима

разработка стандартов клинической валидации, прозрачности алгоритмов и этических рамок для использования ИИ в психологической практике.

Для пользователей, важно осознавать ограничения ИИ сервисов и не заменять ими профессиональную помощь в сложных случаях.

Для разработчиков необходимо повышать точность и безопасность моделей, внедрять механизмы контроля ошибок и обеспечить конфиденциальность данных.

В современных реалиях требуется создание правовых норм, регулирующих применение ИИ для психологической помощи, включая вопросы ответственности и защиты пользователей.

ИИ-технологии обладают значительным потенциалом в сфере психологической помощи, но их использование должно сопровождаться осторожностью и строгим регулированием на законодательном уровне. Главный вызов заключается в том, чтобы совместить технологические возможности с безопасностью, прозрачностью и сохранением человеко-ориентированного подхода в контексте психологической помощи.

Список литературы

1. Трунов, Д. Г. (2013). Индивидуальное психологическое консультирование. Москва: Этерна. 384 с.
2. Фрейманис, И. Ф. (2024). Чат-бот как инструмент психологической поддержки: исследование мнения пользователей. *Социальные и гуманитарные науки: теория и практика*, 4(11), 74–79. EDN: <https://elibrary.ru/XZGPDX>
3. Фрейманис, И. Ф. (2024). Чат-бот как инструмент психологической поддержки: обзор исследований. *Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология*, (2), 250–259. <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2024-2-250-259>. EDN: <https://elibrary.ru/OKMZWX>
4. Abercrombie, G., Cercas Curry, A., Dinkar, T., Rieser, V., & Talat, Z. (2023). Mirages: On Anthropomorphism in Dialogue Systems. *arXiv*. <https://arxiv.org/abs/2305.09800>

5. Airenti, G. (2015). The cognitive basis of anthropomorphism: From relatedness to empathy. *International Journal of Social Robotics*, 7(1), 117–127. <https://doi.org/10.1007/s12369-014-0263-x>. EDN: <https://elibrary.ru/GJFUAH>
6. Ayers, J., Poliak, A., Dredze, M., Leas, E., Zechariah, Z., Kelley, J., & Saper, S. (2023). Comparing physician and artificial intelligence chatbot responses to patient questions posted to a public social media forum. *JAMA Internal Medicine*, 183(6), 589–596. <https://doi.org/10.1001/jamainternmed.2023.1838>. EDN: <https://elibrary.ru/RFVQOH>
7. Chaves, A. P., & Marco, A. G. (2021). How Should My Chatbot Interact? A Survey on Social Characteristics in Human-Chatbot Interaction Design. *International Journal of Human-Computer Interaction*, 37(8), 729–758.
8. Coghlan, S., Leins, K., Sheldrick, S., Cheong, M., Gooding, P., & Alfonso, S. (2023). To chat or bot to chat: ethical issues with using chatbots in mental health. *Digital Health*, 9, 20552076231183542. <https://doi.org/10.1177/20552076231183542>. EDN: <https://elibrary.ru/XDTXQU>
9. Defining medical liability when artificial intelligence is applied on clinical practice. (2023). Retrieved from <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC10711067>
10. Ellis, B., & Bjorklund, D. (2004). Origins of the social mind: Evolutionary psychology and child development. New York: The Guilford Press.
11. Epley, N., Waytz, A., Akalis, S., & Cacioppo, J. T. (2008). When we need a human: Motivational determinants of anthropomorphism. *Social Cognition*, 26(2), 143–155.
12. Fang, C. M., et al. (2025). How AI and human behaviors shape psychosocial effects of chatbot use: A longitudinal randomized controlled study. *arXiv preprint arXiv:2503.17473*.
13. Fitzpatrick, L., & Hutchinson, T. (2023). AI and Empathy: Challenges and Opportunities in Automated Mental Health Interventions. *Journal of Digital Psychology*, 12(2), 45–62.
14. Grant, C., & Ernst, J. (2023). AI companions and the illusion of empathy: Emerging risks in mental health applications. *Journal of AI Ethics*, 9(1), 24–38.

15. Hatch, S. G., Goodman, Z. T., Vowels, L., Hatch, H. D., Brown, A. L., Guttman, S., et al. (2025). When ELIZA meets therapists: A Turing test for the heart and mind. *PLOS Mental Health*, 2(2), e0000145. <https://doi.org/10.1371/journal.pmen.0000145>. EDN: <https://elibrary.ru/CBTBQP>
16. Holohan, M., & Fiske, A. (2021). «Like I'm talking to a real person»: Exploring the meaning of transference for the use and design of AI-based applications in psychotherapy. *Frontiers in Psychology*, 12, 720476. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2021.720476>. EDN: <https://elibrary.ru/LXUHRL>
17. Jacobsen, R., Cox, S., Griggio, C., & van Berkel, N. (2025). Chatbots for data collection in surveys: A comparison of four theory-based interview probes. In: *Proceedings of the 2025 CHI Conference on Human Factors in Computing Systems* (pp. 1–21). <https://doi.org/10.1145/3706598.3714128>
18. Johnson, J. (2023). Finding AI faces in the moon and armies in the clouds: Anthropomorphising artificial intelligence in military human-machine interactions. *Global Society*, 38, 1–16.
19. Jones, V. K., Yan, C., Shade, M. Y., Boron, J. B., Yan, Z., Heselton, H. J., & Dube, V. (2024). Reducing loneliness and improving social support among older adults through different modalities of personal voice assistants. *Geriatrics*, 9(2), 22. <https://doi.org/10.3390/geriatrics9020022>. EDN: <https://elibrary.ru/VKTNZS>
20. Li, C., Wang, J., Zhang, Y., Zhu, K., Wang, X., Hou, W., & Xie, X. (2023). The good, the bad, and why: Unveiling emotions in generative AI. *arXiv*. <https://arxiv.org/abs/2312.11111>
21. Magsumov, T. A. (2017). Family and school in Russia at the beginning of the 20th century: Attempts to bridge the gap. *European Journal of Contemporary Education*, 6(4), 837–846. <https://doi.org/10.13187/ejced.2017.4.837>. EDN: <https://elibrary.ru/ZWREPV>
22. Martinez-Martin, N. (2023). Viewing CAI as a tool within the mental health care system. *American Journal of Bioethics*, 23(5), 57–59. <https://doi.org/10.1080/15265161.2023.2191058>. EDN: <https://elibrary.ru/PX-KHTW>
23. McStay, A. (2018). *Emotional AI: The rise of empathic media*. London: SAGE Publications.

24. Mitchell, R. W., Thompson, N. S., & Miles, L. H. (1997). *Anthropomorphism, anecdotes, and animals*. Albany: SUNY Press.
25. Opel, D. J., Kioussis, B. M., & Cohen, I. G. (2023). AI as a mental health therapist for adolescents. *JAMA Pediatrics*, *177*(12), 1253–1254. <https://doi.org/10.1001/jamapediatrics.2023.4215>. EDN: <https://elibrary.ru/BOXYAM>
26. Placani, A. (2024). Anthropomorphism in AI: Hype and fallacy. *AI Ethics*, *4*, 691–698. <https://doi.org/10.1007/s43681-024-00419-4>. EDN: <https://elibrary.ru/ECSYPA>
27. Russell, S., & Norvig, P. (2020). *Artificial intelligence: A modern approach* (4th ed.). Pearson.
28. Sexton, M., Sergeeva, A., & Soekijad, M. (2025). Do robots have to be human-like? A practice-based perspective on relating to robots in-the-wild. In: *Proceedings of the Extended Abstracts of the CHI Conference on Human Factors in Computing Systems*. <https://doi.org/10.1145/3706599.3720154>
29. Iglesias, M., Sinha, C., Vempati, R., Grace, S. E., Roy, M., Chapman, W. C., & Rinaldi, M. L. (2023). Evaluating a digital mental health intervention (Wysa) for workers' compensation claimants: Pilot feasibility study. *Journal of Occupational and Environmental Medicine*, *65*(2), e93–e99. <https://doi.org/10.1097/JOM.0000000000002762>. EDN: <https://elibrary.ru/USJWQH>
30. Watson, D. (2019). The rhetoric and reality of anthropomorphism in artificial intelligence. *Minds and Machines*, *29*, 417–440. <https://doi.org/10.1007/s11023-019-09506-6>. EDN: <https://elibrary.ru/OVAFYF>
31. Weizenbaum, J. (1976). *Computer power and human reason: From judgment to calculation*. San Francisco: W. H. Freeman.
32. Zhang, A., Lipton, Z. C., Li, M., & Smola, A. J. (2021). *Dive into deep learning*. Retrieved from: <https://d2l.ai>

References

1. Trunov, D. G. (2013). *Individual psychological counseling*. Moscow: Eterna, 384 p.
2. Freimans, I. F. (2024). Chatbot as a tool for psychological support: A study of user opinions. *Social and Humanitarian Sciences: Theory and Practice*, *4*(11), 74–79. EDN: <https://elibrary.ru/XZGPDX>

3. Freimans, I. F. (2024). Chatbot as a tool for psychological support: A review of research. *Bulletin of Perm University. Philosophy. Psychology. Sociology*, 2, 250–259. <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2024-2-250-259>. EDN: <https://elibrary.ru/OKMZWX>
4. Abercrombie, G., Cercas Curry, A., Dinkar, T., Rieser, V., & Talat, Z. (2023). *Mirages: On anthropomorphism in dialogue systems*. arXiv. <https://arxiv.org/abs/2305.09800>
5. Airenti, G. (2015). The cognitive basis of anthropomorphism: From relatedness to empathy. *International Journal of Social Robotics*, 7(1), 117–127. <https://doi.org/10.1007/s12369-014-0263-x>. EDN: <https://elibrary.ru/GJFUAH>
6. Ayers, J., Poliak, A., Dredze, M., Leas, E., Zechariah, Z., Kelley, J., & Saper, S. (2023). Comparing physician and artificial intelligence chatbot responses to patient questions posted to a public social media forum. *JAMA Internal Medicine*, 183(6), 589–596. <https://doi.org/10.1001/jamainternmed.2023.1838>. EDN: <https://elibrary.ru/RFVQOH>
7. Chaves, A. P., & Marco, A. G. (2021). How should my chatbot interact? A survey on social characteristics in human-chatbot interaction design. *International Journal of Human-Computer Interaction*, 37(8), 729–758.
8. Coghlan, S., Leins, K., Sheldrick, S., Cheong, M., Gooding, P., & Alfonso, S. (2023). To chat or bot to chat: Ethical issues with using chatbots in mental health. *Digital Health*, 9, 20552076231183542. <https://doi.org/10.1177/20552076231183542>. EDN: <https://elibrary.ru/XDTXQU>
9. Defining medical liability when artificial intelligence is applied in clinical practice. (2023). Retrieved from <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC10711067>
10. Ellis, B., & Bjorklund, D. (2004). *Origins of the social mind: Evolutionary psychology and child development*. New York: The Guilford Press.
11. Epley, N., Waytz, A., Akalis, S., & Cacioppo, J. T. (2008). When we need a human: Motivational determinants of anthropomorphism. *Social Cognition*, 26(2), 143–155.
12. Fang, C. M., et al. (2025). *How AI and human behaviors shape psychosocial effects of chatbot use: A longitudinal randomized controlled study*. arXiv preprint arXiv:2503.17473.

13. Fitzpatrick, L., & Hutchinson, T. (2023). AI and empathy: Challenges and opportunities in automated mental health interventions. *Journal of Digital Psychology, 12*(2), 45–62.
14. Grant, C., & Ernst, J. (2023). AI companions and the illusion of empathy: Emerging risks in mental health applications. *Journal of AI Ethics, 9*(1), 24–38.
15. Hatch, S. G., Goodman, Z. T., Vowels, L., Hatch, H. D., Brown, A. L., Guttman, S., et al. (2025). When ELIZA meets therapists: A Turing test for the heart and mind. *PLOS Mental Health, 2*(2), e0000145. <https://doi.org/10.1371/journal.pmen.0000145>. EDN: <https://elibrary.ru/CBTBQP>
16. Holohan, M., & Fiske, A. (2021). “Like I’m talking to a real person”: Exploring the meaning of transference for the use and design of AI-based applications in psychotherapy. *Frontiers in Psychology, 12*, 720476. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2021.720476>. EDN: <https://elibrary.ru/LXUHRL>
17. Jacobsen, R., Cox, S., Griggio, C., & van Berkel, N. (2025). Chatbots for data collection in surveys: A comparison of four theory-based interview probes. In *Proceedings of the 2025 CHI Conference on Human Factors in Computing Systems* (pp. 1–21). <https://doi.org/10.1145/3706598.3714128>
18. Johnson, J. (2023). Finding AI faces in the moon and armies in the clouds: Anthropomorphising artificial intelligence in military human-machine interactions. *Global Society, 38*, 1–16.
19. Jones, V. K., Yan, C., Shade, M. Y., Boron, J. B., Yan, Z., Heselton, H. J., & Dube, V. (2024). Reducing loneliness and improving social support among older adults through different modalities of personal voice assistants. *Geriatrics, 9*(2), 22. <https://doi.org/10.3390/geriatrics9020022>. EDN: <https://elibrary.ru/VKTNZS>
20. Li, C., Wang, J., Zhang, Y., Zhu, K., Wang, X., Hou, W., & Xie, X. (2023). The good, the bad, and why: Unveiling emotions in generative AI. *arXiv*. <https://arxiv.org/abs/2312.11111>
21. Magsumov, T. A. (2017). Family and school in Russia at the beginning of the 20th century: Attempts to bridge the gap. *European Journal of Contemporary Education, 6*(4), 837–846. <https://doi.org/10.13187/ejced.2017.4.837>. EDN: <https://elibrary.ru/ZWREPV>

22. Martinez Martin, N. (2023). Viewing CAI as a tool within the mental health care system. *American Journal of Bioethics*, 23(5), 57–59. <https://doi.org/10.1080/15265161.2023.2191058>. EDN: <https://elibrary.ru/PX-KHTW>
23. McStay, A. (2018). *Emotional AI: The rise of empathic media*. London: SAGE Publications.
24. Mitchell, R. W., Thompson, N. S., & Miles, L. H. (1997). *Anthropomorphism, anecdotes, and animals*. Albany: SUNY Press.
25. Opel, D. J., Kious, B. M., & Cohen, I. G. (2023). AI as a mental health therapist for adolescents. *JAMA Pediatrics*, 177(12), 1253–1254. <https://doi.org/10.1001/jamapediatrics.2023.4215>. EDN: <https://elibrary.ru/BOXYAM>
26. Placani, A. (2024). Anthropomorphism in AI: Hype and fallacy. *AI Ethics*, 4, 691–698. <https://doi.org/10.1007/s43681-024-00419-4>. EDN: <https://elibrary.ru/ECSYPA>
27. Russell, S., & Norvig, P. (2020). *Artificial intelligence: A modern approach* (4th ed.). Pearson.
28. Sexton, M., Sergeeva, A., & Soekijad, M. (2025). Do robots have to be human like? A practice-based perspective on relating to robots in the wild. In *Proceedings of the Extended Abstracts of the CHI Conference on Human Factors in Computing Systems*. <https://doi.org/10.1145/3706599.3720154>
29. Iglesias, M., Sinha, C., Vempati, R., Grace, S. E., Roy, M., Chapman, W. C., & Rinaldi, M. L. (2023). Evaluating a digital mental health intervention (Wysa) for workers' compensation claimants: Pilot feasibility study. *Journal of Occupational and Environmental Medicine*, 65(2), e93–e99. <https://doi.org/10.1097/JOM.0000000000002762>. EDN: <https://elibrary.ru/USJWQH>
30. Watson, D. (2019). The rhetoric and reality of anthropomorphism in artificial intelligence. *Minds and Machines*, 29, 417–440. <https://doi.org/10.1007/s11023-019-09506-6>. EDN: <https://elibrary.ru/OVAFYF>
31. Weizenbaum, J. (1976). *Computer power and human reason: From judgment to calculation*. San Francisco: W. H. Freeman.
32. Zhang, A., Lipton, Z. C., Li, M., & Smola, A. J. (2021). *Dive into deep learning*. Retrieved from: <https://d2l.ai>

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Фрейманис Инга Федоровна, старший преподаватель-исследователь кафедры общей и клинической психологии
Пермский государственный научный исследовательский университет
ул. Букирева, 15, г. Пермь, 614990, Российская Федерация
inga73-08@mail.ru

Шляпов Иван Викторович, магистрант кафедры психология развития
Пермский государственный научный исследовательский университет
ул. Букирева, 15, г. Пермь, 614990, Российская Федерация
7505427@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHORS

Inga F. Freimanis, Senior Lecturer, Department of General and Clinical Psychology
Perm State National Research University
15, Bukireva Str., Perm, 614990, Russian Federation
inga73-08@mail.ru
SPIN-code: 2658-0659
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7996-810X>
ResearcherID: KSL-6854-2024

Ivan V. Shlyapov, Master's Student of the Department of Developmental Psychology
Perm State National Research University
15, Bukireva Str., Perm, 614990, Russian Federation
7505427@mail.ru

Поступила 25.07.2025
После рецензирования 10.08.2025
Принята 20.08.2025

Received 25.07.2025
Revised 10.08.2025
Accepted 20.08.2025